

Формирование мусульманских общин в горнозаводских поселениях Урала и Сибири в конце XIX – начале XX в.

Алексей Николаевич СТАРОСТИН*
Уральский государственный горный университет,
Россия, Екатеринбург
alisheria@mail.ru

Aleksey Nikolaevich STAROSTIN*
Ural State Mining University,
Ekaterinburg, Russia
alisheria@mail.ru

The formation of Muslim communities in the mining settlements of the Urals and Siberia in the late XIX – early XX century

This paper discusses the complex process of the formation of Muslim communities in mining and industrial settlements at factories, mines, and railway stations of the Urals and Siberia in the late XIX-early XX centuries; this process is associated with the labor migration of Tatar and Bashkir peasants from the Volga and Ural regions to the Urals and Siberia in connection with the growth of mineral production, processing, industrial production, railway construction, and undermanned enterprises. On the basis of archival documents, the analysis of the actions of Tatar and Bashkir peasants who were in labor migration is carried out; the aim is to recreate faith institutions that are customary for themselves at the new place of their stay: mosque, mektebe school, official imam. All these were associated with overcoming various obstacles in the form of restrictions established by Russian legislation, and the temporary nature of the employment of Muslim workers as well. The study also reflects the interaction of representatives of Muslim communities with state authorities, businessmen and factory owners, Orthodox and Muslim faith institutions in addressing these issues. The processes of transformation of the ethno-confessional landscape of industrial settlements that took place a hundred years ago and influenced their modern appearance are described.

Keywords: industry, prayer house, mosque, imam, Ural, Siberia, Muslims.

В статье рассматривается сложный процесс формирования мусульманских общин в горнозаводских и промышленных поселениях при заводах, шахтах, рудниках и железнодорожных станциях Урала и Сибири в конце XIX – начале XX вв., связанный с трудовой миграцией татарских и башкирских крестьян из Поволжья и Приуралья на Урал и в Сибирь в связи с ростом объемов добычи полезных ископаемых, их переработки, промышленного производства, железнодорожного строительства и потребности предприятий в рабочих руках. На основе архивных источников проводится анализ действий татарских и башкирских крестьян, находившихся трудовой миграции, с целью воссоздания на новом месте своего пребывания привычных для себя конфессиональных институтов: мечети, примечетской школы – мектебе, официального имама, что было связано с преодолением различных препятствий в виде ограничений, установленных российским законодательством, и временным характером занятости мусульманских рабочих. В исследовании также отражается взаимодействие представителей мусульманских общин с органами государственной власти, предпринимателями и заводоладельцами, православными и мусульманскими религиозными учреждениями в решении данных вопросов. Описываются процессы трансформации этноконфессионального ландшафта промышленных поселений, происходившие сто лет назад и повлиявшие на их современный облик.

Ключевые слова: промышленность, молитвенный дом, мечеть, имам, Урал, Сибирь, мусульмане.

Сегодня никого не удивит наличием мечетей в таких старинных промышленных центрах Урала и Сибири, как Нижний Тагил, Серов, Златоуст, Миасс, Анжеро-Судженск и многих других. Эти культовые объекты стали привычной частью конфессионального ландшафта данных городов, и мало кто задается вопросом, а когда же они здесь появились и почему? Между тем ответ на этот вопрос являет собой малоизвестную, но значимую страницу истории горнодобывающей и металлургической промышленности Урало-Сибирского региона.

Появление мусульман на заводах и копиях Урала и Сибири

В середине XIX в. большинство мусульман Урала и Сибири проживали в деревнях. Подполковник Х. Мозель, описавший в этот период нравы и обычаи тюркского населения Пермской губернии, в частности, отмечал, что в 1860 г. на территории губернии насчитывалась 161 мечеть, причем все они располагались в сельской местности и все были деревянными, за исключением одной, построенной из камня [1]. Прошло всего 60 лет, и к середине 1920-х гг. на территории Пермской губернии насчитывалось уже 338 мечетей, из которых 10 (3 %) располагались в городах, а 24 (7 %) – в поселениях, возникших вокруг заводов, железнодорожных станций, шахт и копей, иначе говоря, в промышленных поселениях. Об этом свидетельствуют сведения исторического источника «Ведомость о числе приходов и духовных лиц разных губерний» [2] Оренбургского Магометанского духовного собрания (далее ОМДС), составленного в начале XX в., данные которой были обработаны и подсчитаны нами с помощью методов статистического анализа [3].

Что же произошло в этот период? Прежде чем дать ответ на этот вопрос, необходимо сказать несколько слов о том, как имперское законодательство регламентировало вопрос строительства мечетей. Казанский исследователь И. К. Загидуллин указывает на то, что императорскими указами от 22.06.1744 г. и 23.08.1756 г. разрешалось строительство одной мечети в населенном пункте, если численность мусульман - мужчин находилась в пределах от 200 до 300 ревизских душ. В 1835 г. данная цифра была снижена до 200 ревизских душ. Исследователь отмечает: «По мере отдаления от последней X ревизии (1858 г.) этот норматив становился анахронизмом» (в связи с возросшим количеством лиц, занимающихся отхожими промыслами), поэтому в соответствии с законом от 15.12.1886 г. этот норматив был скорректирован на 200 мусульман - мужчин, проживающих в населенном пункте или, как тогда говорили,

«наличных душ мужского пола» [4]. Это же минимальное значение было закреплено в п. 1. ст. 155 «Устава строительного» 1900 г. Также в ст. 158 «Устава строительного» содержалось следующее условие, соблюдение которого требовалось для строительства мусульманского храма: «От построения мечети не может произойти соблазна в вере для христиан и новокрещенных татар, живущих вместе с магометанами» [5]. Это требование присутствовало в российском законодательстве еще с XVIII в., поэтому на разрешение построить мечеть в населенном пункте со смешанным составом населения должно было дать согласие местное епархиальное начальство, поскольку православие в то время имело статус государственной религии.

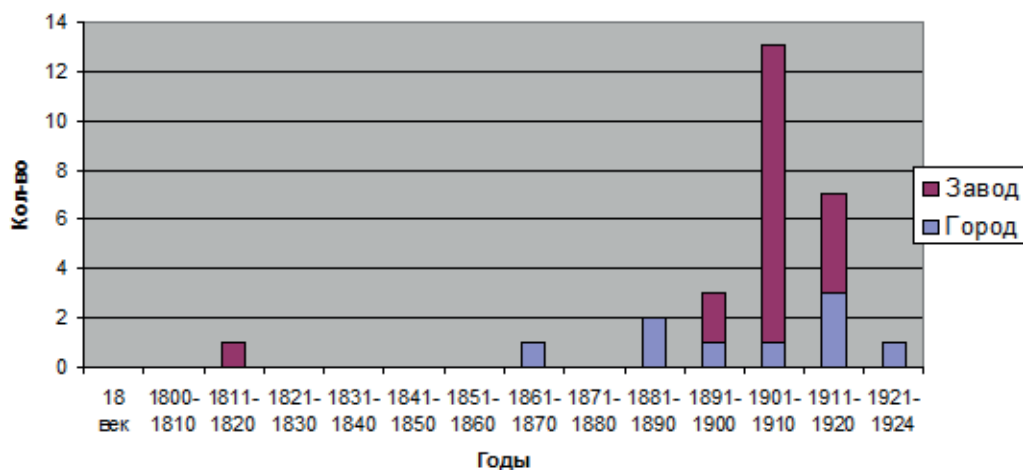
Согласно установленному порядку верующим, желавшим возвести мечеть, следовало организовать общий сход, на котором составлялся «общественный приговор». В данном документе содержалось обоснование необходимости строительства мечети в конкретном населенном пункте и выражалось согласие верующих на финансовое обеспечение строительства и последующего содержания религиозного объекта, а также лиц духовного звания при нем. Эта бумага отсылалась в ОМДС, которое рассматривало «общественный приговор» и, находя изложенные в документе аргументы заслуживающими уважения, преправляло его в губернское правление конкретного региона со своей положительной резолюцией. Также в строительное отделение губернского правления мусульманская община высылала чертеж и фасад будущего культового сооружения, которые должны были быть согласованы губернскими властями. Лишь после этого можно было начинать строительство [6].

В связи с высокой рождаемостью количество мусульман постепенно возрастало, поэтому требовались новые мечети, и в сельских населенных пунктах, особенно в районах компактного проживания мусульман на Южном и Среднем Урале и в Сибири, проблем с их открытием, как правило, не возникало, потому что требуемые 200 душ имелись. Были даже такие деревни, где было по несколько мечетей: например, по 4 культовых объекта было в дер. Большая Ока Красноуфимского уезда, Красноярова Осинского уезда, Караболка Екатеринбургского уезда, а сразу 5 мечетей – в дер. Кунашак Шадринского уезда Пермской губернии. А вот в промышленных поселениях, где со второй половины XIX в. начали складываться мусульманские общины, открыть мечети и молитвенные дома было большой проблемой, в первую очередь, из-за малочисленности мусульманского населения – редко где имелось нужное количество в 200 мужчин.

В то же время количество населенных пунктов на Урале и в Сибири, где ранее не было мусульман, и где во второй половине XIX в. они начали появляться, стремительно возрастало. Переселяться в города и промышленные поселения, возникавшие при заводах, шахтах, рудниках и железнодорожных станциях Урала и Сибири, мусульмане начали по нескольким причинам: это обезземеливание и социальное расслоение крестьян, урбанизационные процессы и трудовая миграция. Эта миграция была обусловлена увеличением количества новых добывающих и перерабатывающих производств в Урало-Сибирском регионе, которым нужны были рабочие руки, строительством новых железнодорожных магистралей, в первую очередь, Транссибирской железной дороги и вспомогательных железнодорожных путей, связывающих с Трансисибом города, заводы и предприятия, находящиеся в стороне. Это позволило многократно увеличить объемы вывозимой в Центральную Россию готовой продукции, сделанной на предприятиях Урала и Сибири, а также нарастить поставки топлива и сырья на предприятия. Также развитие железнодорожного транспорта облегчило миграцию рабочей силы из районов Поволжья и Приуралья на Урал и в Сибирь. Наряду с русскими рабочими сотни татар и башкир стали наниматься на горнорудные и металлургические предприятия, как на основные, так и на вспомогательные работы (заготовка дров, углежжение, лесосплав, перевозка грузов на конной тяге и пр.).

Общины в промышленных поселениях Южного и Среднего Урала

Одной из самых первых на Урале мусульманских общин в промышленном поселении стала мусульманская община Кушвинского завода Верхотурского уезда [7]. Точное время возникновения общины неизвестно. Самое первое архивное дело, обнаруженное нами, датируется 26 февраля 1836 г. и является рапортом муллы Кушвинского завода С. Токмурзина в ОМДС о незаконном сожителстве мастерового Бугамета Анзигитова с женою Азизбекою Мугалеевой, у которых имелось пятеро детей. Случайным образом выяснилось, что муж с женой являются родственниками и Бугамет двадцать лет назад уговорил Азизбеку «уехать тайным образом от прежнего мужа» в Кушвинский завод. Поскольку речь в деле идет о событиях 20-летней давности, то о присутствии мусульман на Кушвинском заводе

История возникновения мечетей в городах и промышленных поселениях Пермской губернии, ед.

можно говорить, по крайней мере, с 1810-х гг. [8]. В 1849 г. там было открыто мусульманское одноклассное училище, в котором преподавал Шарафутдин Яхнев. Хотя община была немногочисленной. Самая ранняя метрическая книга, обнаруженная нами, датируется 1867 г. и свидетельствует о том, что в поселке при Кушвинском заводе находились 51 мужчина и 32 женщины исламского вероисповедания [9], к 1900 г. община так и оставалась очень малочисленной – в этот период в поселке Кушвинского завода проживало всего 43 мусульманина и 41 мусульманка [2]. Но данная община является исключением из общего правила: во-первых, она возникла в начале XIX века, а во-вторых, мы не можем пока объяснить, как мусульманам удалось открыть самостоятельный приход при несоблюдении нормативной численности прихожан. Вероятно, в момент возникновения там проживало более 200 мусульман, но впоследствии их численность почему-то уменьшилась.

Если проанализировать данные о времени возникновения мусульманских общин в промышленных поселениях в Пермской губернии, то мы увидим, что большая часть из них возникли в 1890–1910-е гг., причем на годы первой русской революции приходится наибольшее число возникших общин. И это не случайно, ведь к началу XX в. на Урале уже насчитывалось 4 тысячи рабочих-татар и башкир. Люди, прибывшие из разных мест, но говорившие на одном языке и исповадовавшие одну религию, естественным образом старались держаться друг друга, чем заметно отличались от остальной массы рабочих. Главными внешними отличиями были слабое знание русского языка, особенности гигиены, питания и молитвы [10]. В связи с этим понятно желание мусульманских рабочих обустроить на новом месте своего пребывания жизнь в соответствии с предписаниями своей религии: организовать мечеть или молитвенный дом, открыть школу-мектеб, чтобы обучать своих детей в соответствии с традициями своей веры, пригласить имама, который давал бы религиозные наставления. Однако чаще всего эти сообщества мусульман, образовавшиеся в промышленных поселениях, были немногочисленными, поэтому за неимением необходимых 200 душ мужского пола не могли официально зарегистрировать приход. В связи с этим жителям нескольких заводских поселков приходилось объединяться в один приход, как это сделали верующие Лобвинского, Лялинского и Сосьвинского заводов, которых духовно окормлял имам из г. Верхотурья, где была официально зарегистрирована община и имелся молитвенный дом [11]. Верхотурский имам Хикматулла Ганеев (1887–?), ранее занимавшийся торговлей фруктами и бакалейными товарами [12], с определенной периодичностью посещал эти заводские поселки, отстоящие друг от друга на несколько десятков верст.

В схожем положении оказывались и многие мусульманские общины промышленных поселений Оренбургской и Уфимской губерний, расположенные на территории современной Челябинской области. Так, имам-хатыб молитвенного дома на Аполлинариевском прииске Мухаметсадык Сагидеев (ныне г. Пласт) после официальной регистрации прихода 12.06.1906 г. также духовно окормлял рабочих на золотых приисках Кочкарской и Кособродской систем. Мусульмане Кусинского завода Златоустовского уезда на рубеже веков сумели организовать для себя молитвенный дом, но собственного имама не имели и были вынуждены периодически приглашать к себе имама мечети д. Каскиной 2-й Айлинской волости того же уезда, к приходу которого относились. Каждый приезд имама длиной в 18 верст и обратно «создавал для них огромное неудобство, требовал затрат времени и денег». Имам молитвенного дома в поселке при Саткинском заводе Салихьян Тагиров, возглавлявший в 1899 г. приход вначале в качестве «прикомандированного» ОмДС, а затем и постоянного имама, также обслуживал и население ближайшей округи, в частности, заводской поселок при Бакальском казенном руднике, находящийся за 22 версты от Саткинского завода, что отнимало у священнослужителя очень много времени. Самостоятельный приход мусульмане Бакальского рудника смогли организовать только после революции 1917 г. [13].

Именно по этой причине – дальность расстояния и редкий приезд священнослужителя – стал основанием для мусульман заштатного города Алапай Пермской губернии (современный Алапаевск) обратиться в ОмДС с письменной просьбой о разрешении постройки собственного молитвенного дома. Местные мусульмане, бывшие крестьяне, по преимуществу прибывшие из Казанской и Уфимской губерний для работы на Алапаевском заводе, выбрали в качестве своего представителя крестьянина Азалева волости Свяжского уезда Казанской губернии Галиуллу Файзуллина 1849 г. р., который и составил вышеуказанное письмо. В документе, написанном 12.11.1907 г., желание построить молитвенный дом объясняется тем, что «в городе этом и его окрестностях проживает много магометан, а самая близкая к ним мечеть и духовные лица находятся в Кушвинском заводе за 200 вёрст, почему крайне нуждаются в богослужениях и требоотправлениях» [6]. Соответствующее разрешение на постройку молельного дома было дано в 1908 г. Пермским губернским правлением указом № 4419 от 29.07.1908.

В Пермской губернии на Богословском медном руднике мечеть было разрешено построить 02.03.1907, на Шуркинском прииске – 26.02.1907, в Песчанке Троицкого прииска молитвенный дом появился 26.02.1907, на Нижне-Тагильском заводе молитвенный дом появился 30.09.1909... [2]. Также там были образованы самостоятельные приходы с собственным штатом духовенства. Вообще в первое десятилетие XX в. была открыта половина (12 из 24) мечетей и молитвенных домов в Пермской губернии.

Чем же объяснить столь бурный рост? На это десятилетие приходится первая русская революция, во время которой мусульмане проявляли высокую общественно-политическую активность в борьбе за улучшение своего правового положения. В частности, в 1905 г. была создана первая всероссийская исламская партия «Иттифак аль-Муслимин» (Согласие мусульман), представители которой в составе партии «кадетов» приняли участие в выборах в Государственную Думу и образовали в ней «мусульманскую фракцию» в составе 22 депутатов (1-я Государственная Дума). Мощным стимулом к увеличению просьб к властям об открытии новых мечетей и образованию самостоятельных приходов стал Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату «Об укреплении начал веротерпимости», подписанный Николаем II, и одноименное Высочайшее утвержденное Положение Комитета министров от 17.04.1905 г. В пп. А) п.1 ст. X. второго документа содержалось требование предоставить особому совещанию о веротерпимости без предварительного сношения с ведомствами законопроекты «о сооружении молитвенных домов иноверных

исповеданий». Наряду с пп. 11 и 12 о разрешении возобновить работу закрытых прежде церквей и молитвенных домов и об упрощенном порядке открытия новых молитвенных помещений для всех христианских исповеданий, в императорском указе имелось обещание об улучшении правового статуса мусульман [14]. Этим и воспользовались мусульмане Урала и Сибири, открыв приходы в малолюдных общинах. В 1910-х гг. началась реакция на первую русскую революцию, сопровождавшаяся пересмотром политики правительства Российской империи в отношении мусульманских подданных, также началась I мировая война, в связи с чем количество открываемых мечетей серьезно сократилось.

Появление мечетей в промышленных поселениях Урала было связано с необходимостью удовлетворять повседневные нужды рабочих мусульманского вероисповедания. «Имеем суждение о наших духовных потребностях, проживая вдали от магометанских приходов, мы не имеем возможности отправлять свои молитвенные обряды при молитве во время наших постов, при рождении младенцев, при погребении умерших магометан, – писали в общественном приговоре 170 мусульман Егоршинских каменноугольных копей Ирбитского уезда Пермской губернии. – Все эти требы у нас частовременны, магометанского духовенства среди нас нет, поэтому, имея настоятельную нужду в отправлении духовных религиозных обрядов, мы единогласно высказали желание – построить в селении Егоршинских копей молитвенный дом» [15].

Мусульмане обращались с просьбой об открытии молитвенного дома или мечети в промышленном поселке, в первую очередь, к администрации предприятий, которые, как правило, помогали войти в сношение с губернскими властями. Так что даже малочисленность общины зачастую не являлась причиной для того, чтобы не удовлетворить прошение мусульман. Нередко сама администрация предприятия помогала мусульманам с помещением или брала на себя некоторую часть расходов по содержанию молитвенного помещения и духовного лица, либо создавала необходимые условия для аккумуляции необходимых средств. Например, в письме в ОМДС от 16.11.1906 г. Управление Богословского горного округа уведомляло муфтият о том, что мусульмане рудника «Шахты» и Управление договорились о том, что с их ежемесячного заработка будет удерживаться 0,5 копейки с рубля для вознаграждения труда имама и его помощника, а также на содержания школы – мектеба. В свою очередь само Управление Богословского горного округа выделило 2000 руб. на строительство мечети и дома имама [16]. Администрация Егоршинских каменноугольных копей Ирбитского уезда на безвозмездной основе предоставила мусульманам помещение для организации в нем молитвенного дома и назначила имаму заработную плату в размере 25 руб. в месяц [15]. В Алапаевске «мечеть построили жертвователи и благодетели со стороны Алапаевского завода», – с удовлетворением писал в ОМДС представитель мусульманской общины Г. Файзуллин [6]. Аналогичным образом на Южном Урале золотопромышленник Гавриил Ермолаевич Подвинцев построил для своих татарских и башкирских работников мусульманский молитвенный дом на Аполлиinarieвском прииске, вблизи поселка Кочкарского (ныне г. Пласт Челябинской области) [13]. Из данных примеров видно, что уральские предприятия довольно часто брали на себя финансовые издержки по организации и обустройству молитвенных помещений для рабочих, исповедовавших ислам, поскольку сами рабочие не имели средств на это.

Однако так было далеко не везде. В поселке Надеждинского завода (современный г. Серов Свердловской области) мусульмане построили мечеть на собственные средства, а на просьбы верующих, поступавшие в 1910–11 гг. о выделении денег на «содержание мечети, ремонт, отопление, освещение» и др. нужды, администрация предприятия отвечала отказом [17].

Формирование бюджета на строительство и содержание храма иногда происходило следующим образом: члены мусульманских общин обращались с просьбой к администрации предприятий удерживать из их жалования ежемесячно определенную сумму, вследствие чего формировался необходимый капитал, шедший затем на содержание мечети и духовных лиц [18]. Иногда находились добрые люди из числа состоятельных членов общины, которые передавали под религиозные нужды уже имевшиеся здания либо строили новые. К примеру, состоятельный мусульманин из д. Сафаджай Симбирской губернии Шиап (Шихаб) Вахитов пожертвовал мусульманам Нижнетагильского завода дом на Ветохиной улице, д. 18 для организации в нем мечети. Он руководствовался тем, что значительная часть мусульман были его земляками – выходцами из Симбирской и Нижегородской губерний [19].

В процессе развития заводских поселений и расширения производства образовывались и весьма крупные мусульманские общины. К их числу относятся уже упомянутые общины Нижнетагильского и Надеждинского заводов, а также общины г. Миасс и Златоуст на Южном Урале. На Нижнетагильском заводе мусульманская община начала формироваться в конце XIX в. из уроженцев Симбирской губернии, устраивавшихся на завод и рудники в качестве чернорабочих. Часть татар поступила на службу к купцам, и с течением времени превратилась в мелких торговцев [10]. В архивных источниках по истории мусульман Надеждинского завода (ныне г. Серов Свердловской области), где проживало больше 1000 мусульман, среди активистов мусульманской общины встречаются: рабочие, мелкие торговцы, подрядчики определенных цехов, редко – представители интеллигенции [20]. В Златоусте мусульманская община была небольшой, в первой половине 1890-х гг. там проживало около 70 мусульманских семей. Большинство татарских поселенцев в городе были выходцами с правобережной Горной стороны Волги, из Цивильского и Свияжского уездов Казанской губернии, а башкирское население стекалось в город на заработок из различных деревень самого Златоустовского уезда Уфимской губернии. Но к 1897 г. численность общины значительно возросла. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в Златоусте проживало 456 мусульман (2,3 % от общей численности), в том числе татар – 277 и башкир – 179. Как отмечает оренбургский исследователь Д. Н. Денисов, к 1902 г. «в Златоусте проживало постоянно 227 мужчин, исповедовавших ислам, и временно еще около 300, в том числе 219 рабочих казенного завода и оружейной фабрики, 33 нижних чина в четырех ротах 214-го Мокшанского резервного батальона, 11 человек в златоустовских местной и конвойной командах, 10 служащих городской полиции. Кроме того, от 50 до 85 мусульман ежегодно прибывали со всего уезда в Златоустовскую земскую больницу, а среди заключенных

Среднее количество прихожан мечетей Пермской губернии в 1900 г. с разбивкой по уездам и типам населенных пунктов, чел.

Уезд, тип поселения	Деревня (муж/жен)	Город (муж/жен)	Промышленное поселение (муж/жен)
Верхотурский	Нет	Н.д./Н.д.	130/30
Екатеринбургский	196/172	170/148	Н.д./Н.д.
Ирбитский	Нет	Н.д./Н.д.	118/44
Красноуфимский	226/202	Н.д./Н.д.	Нет
Кунгурский	125/113	Н.д./Н.д.	Нет
Осинский	253/224	207/185	Нет
Пермский	310/287	450/211	416/160
Соликамский	Нет	Н.д./Н.д.	77/38
Чердынский	Нет	Н.д./Н.д.	Н.д./Н.д.
Шадринский	291/247	210/190	Нет

в местной тюрьме было до 30 мусульман, которые также нуждались в духовном наставлении и отправлении религиозных обрядов, предписанных шариатом» [21]. В поселке Миасского медеплавильного завода большинство членов мусульманской общины, которая в начале XX века превышала 1000 чел., работали на металлургическом производстве и в горнодобывающей промышленности, занимались наемными и поденными работами, сельским хозяйством, торговлей [22].

Такие общины развивались подобно городским мусульманским общинам губернских и уездных центров [23, 24], создавая свойственные для городов институты, например, в Нижнем Тагиле было создано «Нижне-Тагильское мусульманское культурно-экономическое и благотворительное общество» (район деятельности Нижне-Тагильский завод и Верхотурский уезд, внесено в реестр Пермского губернского по делам об обществах присутствия 10.07.1909) [19] и библиотека-читальня для мусульман [25]. Ахун г. Миасс Салахутдин Сахибзадович Баширов (29.09.1862 – после 1923) организовал типографическое предприятие, которое выпускало светскую и религиозную печатную продукцию (в частности, мусульманские календари), часть прибыли от данного бизнеса шла на содержание мечети (от которой до сего дня остался только минарет) и мектебе [26]. В Надеждинске действовало сразу две мечети [27].

Однако для всех общин промышленных поселений вне зависимости от численности мусульман была характерна гигантская гендерная диспропорция – количество мужчин многократно превышало количество женщин (см. таблицу).

Анализируя данные таблицы, обратим внимание на то, что везде количество мужчин превышает количество женщин. На селе, конечно, разница небольшая – число колеблется в пределах 20 человек в пользу мужчин, в городах эта разница более заметна, например, в Перми в начале XX века количество женщин в 2,5 раза меньше количества мужчин. Но особенно велика гендерная диспропорция в промышленных поселениях – где-то количество мужчин превышает количество женщин в 2, а где-то в 4 раза. Это свидетельствует о недавнем времени образования общин в промышленных поселениях и их неустойчивом характере: немногим мужчинам удалось прочно встать на ноги на новом месте, чтобы перевести свою семью.

Общины в промышленных поселениях Сибири

Все указанные тенденции были в полной мере характерны и для промышленных поселений Сибири. К примеру, на территории современной Кемеровской области, до революции входившей в состав Томской губернии, к этому типу относятся мусульманские общины Анжерских и Судженских каменноугольных копей. Пос. Анжерка и Судженка возникли в 1897–1898 гг. в ходе строительства ж/д магистрали и разработки угольных месторождений. На месторождении требовались рабочие руки, и в данные поселки устремились мигранты из числа безземельных и малоземельных крестьян, в т. ч. татары. В 1910 г. на Анжерских коях насчитывалось 78 мужчин и 74 женщины из поволжских татар-переселенцев, а через два года образован приход с молитвенным домом. Указным имамом значился Х. Ш. Мухаметов, утверждённый Томским губернским управлением 4.10.1912 г. В обоих поселках мусульманами без официального разрешения были организованы две мектебе. В 1914 г. они выявлены властями и закрыты, поскольку там «ведут агитацию о необходимости сплочения мусульман вокруг школ в ущерб государственным интересам». В 1915–1916 гг. мектебе вновь были открыты, но уже по разрешению властей [2, 28, 29]. Перед революцией в шахтерских поселках насчитывалось уже около одной тысячи поволжских и сибирских татар [29].

Аналогичным образом в марте 1913 г. в Уфу было направлено прошение об открытии пятивременной мечети на Бариккульских и Александровских рудниках Мариинского горного округа, где с середины XIX в. добывали золото (современный пос. Бериккуль Тисульского района Кемеровской области). Ходатайство направили 202 мусульманина мужского пола. Рассмотрев дело, ОМДС направило ходатайство Томскому губернскому управлению о разрешении на постройку мечети, т. к. «просители за неимением вообще в Мариинском Горном Округе мечетей, терпят большую нужду в богослужениях и тем более в отправлении разного рода треб... постройку соборной мечети на Бериккульском руднике Мариинского Горного Округа за многочисленностью проживающих там магометан и не имевшем в районе того Округа вообще мечети, Магометанское Духовное Собрание считает необходимым» [30].

Но эту мечеть открыть не успели, помешали революционные события. А вот их коллеги – золотодобытчики из пос. Придорожный Златогорской волости Мариинского уезда оказались более успешными [31]. В 1914 г. они обратились с ходатайством в ОМДС о строительстве соборной мечети и образовании самостоятельного прихода. В деле имеется

интересная приписка: «Окружной благочинный донес, что постройка мечети в поселке Придорожном опасности для окружающего православного населения в религиозном плане не представляет. Закон: ст. 15б XII ч. Устава Строительного – сооружение в магометанских приходах мечетей допускается в том только случае, если от построения мечети не может произойти соблазна в вере для живущих вместе с магометанами христиан и новокрещеных татар» [32]. Поскольку нарушения закона не было и благочинный сообщал, что никому из христиан «соблазна» новая мечеть не произведет, мусульмане получили разрешение на постройку мечети. В 1916 г. при посредничестве заведующего 1-го золотоискательского подразделения, чиновника особых поручений Туриева мусульмане обратились к Томскому губернатору с ходатайством о разрешении проведения сбора пожертвований «среди магометанского населения Томской губернии и гор. Томска на постройку мечети», поскольку «имеющийся у них в настоящее время молитвенный дом мал и приходит в ветхость» [33]. Однако от исполняющего должность Томского вице-губернатора пришел ответ об отказе в удовлетворении этой просьбы: «Я не признаю возможным возбудить перед Министерством Внутренних Дел ходатайство о разрешении им сбора пожертвований среди магометанского населения Томской губернии на постройку мечети в пос. Придорожном, так как Министерство таковые ходатайства отклоняет ввиду особых обстоятельств переживаемого времени, требующих исключительного напряжения денежных средств населения» [33]¹. Однако даже в условиях I Мировой войны мусульмане пос. Придорожный все же смогли построить мечеть.

Мусульмане активно работали не только на шахтах и рудниках, но и на строительстве Транссибирской магистрали. В 1896 г. благодаря железнодорожному инженеру-изыскателю Гарину-Михайловскому, обосновавшему мостовой переход через реку Обь не через Томск, а южнее, через деревню Кривошеково, находящуюся в 80 км от губернского центра, Транссиб прошел южнее. Ответвление на город Томск от Транссиба было организовано в глухой тайге. Поэтому образовавшуюся узловую станцию стали называть «Томск-Таежный», а позднее просто «Тайга». Весной 1907 г. от 250 мусульман, проживавших в поселке при станции «Тайга», обратились в Управление государственными имуществами Томской губернии «с ходатайством об отводе в пос. «Тайга» казенного участка земли под постройку мечети». В начале мая данное письмо губернские власти переслали в ОМДС с вопросом «не имеется ли препятствий к разрешению постройки мечети в названном поселке, и является ли необходимость в таковой». Уже в конце мая из ОМДС пришел ответ: «Ввиду изложенного Магометанское Духовное Собрание определяет: уведомить Томского губернатора, что к разрешению постройки мечети в поселке при станции «Тайга», Сибирской железной дороги, со стороны Магометанского Духовного Собрания препятствий не имеется, и что постройку в названном поселке мечети, за многочисленностью там магометан, Духовное Собрание считает необходимой» [34]². Аналогичным образом Духовное собрание позднее выдало разрешение на строительство мечети на соседней железнодорожной станции Юрга [2]. Таким образом, сразу на двух железнодорожных станциях в Томской губернии – Тайга и Юрга – были предприняты попытки организации мусульманских общин, но не завершены в силу революционных событий и происшедших в стране общественно-политических преобразований.

К аналогичным мусульманским общинам промышленных поселений можно отнести и мечеть на Николаевском заводе Иркутской губернии, с ходатайством о постройке которой мусульмане обратились в ОМДС и к губернским властям в 1898 г. [35], мечеть на станции Хайлар Китайско-Восточной железной дороги, разрешение на постройку которой было получено в 1914 г. [36], и ряд других.

Выводы

Подводя итог проведенного исследования, можно констатировать, что после великих реформ императора Александра II, вследствие процесса обезземеливания крестьянства, начавшегося промышленного бума и интенсивного железнодорожного строительства, где требовались рабочие руки, сотни татарских и башкирских крестьян из Поволжья и Приуралья стали отправляться на заработки на Урал и в Сибирь, где нанимались в качестве рабочих и селились в промышленных поселениях при заводах, шахтах, рудниках и железнодорожных станциях. Люди, прибывшие из разных мест, но говорившие на одном языке и исповедовавшие одну религию, естественным образом старались держаться друг друга, чем заметно отличались от остальной массы рабочих. Главными внешними отличиями были слабое знание русского языка, особенности гигиены, питания и молитвы. Структура поселковых мусульманских общин серьезно отличалась от традиционной сельской общины. Это выражалось в многократном преобладании мужчин над женщинами, преобладании мужчин трудоспособного возраста, временным характером их проживания и немногочисленностью.

Естественным желанием мусульманских рабочих было обустроить на новом месте своего пребывания жизнь в соответствии с предписаниями своей религии: организовать мечеть или молитвенный дом, открыть школу - мектеб, чтобы обучать своих детей в соответствии с традициями своей веры, пригласить имама, который давал бы религиозные наставления. Однако чаще всего эти сообщества мусульман, образовавшиеся в промышленных поселениях, были немногочисленными, поэтому за неимением необходимых 200 душ мужского пола не могли официально зарегистрировать приход.

В этом случае либо жители нескольких поселков объединялись в один приход и получали возможность периодически приглашать имама, либо прикреплялись к ближайшему населенному пункту, где была мечеть, но оба варианта были неудобными как для общины, так и для имама из-за дальности расстояний и значительных временных и финансовых затрат.

После либерализации государственной религиозной политики вследствие революции 1905–1907 гг. многие, даже немногочисленные общины, смогли официально зарегистрировать приход. Зачастую владельцы предприятий помогали решать административные возможности, за счет собственных средств организовать и содержать

¹НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 1536. Л. 1-10б.

²Там же.

молитвенное помещение, иногда оплачивали услуги имама. Но чаще рабочие, исповедующие ислам, сами несли затраты по содержанию культового сооружения и духовных лиц, прося администрацию предприятий удерживать из их заработка часть средств на оплату данных расходов.

Крупные общины в таких промышленных поселениях, как Мотовилихинский, Нижнетагильский, Надеждинский, Златоустовский и Миасский заводы, где численность мусульман превышала 500 и даже 1000 человек, развивались по сценарию городских мусульманских общин: образовывали компактные поселения в рамках городской локации (их русские жители называли «татарскими деревнями» или «татарскими слободами»), организовывая благотворительные и просветительские учреждения, учебные заведения, коммерческие предприятия, доход от которых шел на религиозные нужды.

Во втором десятилетии XX в. мусульманские общины в промышленных поселениях Урала и Сибири стали уже весьма заметным явлением. Их численность перевалила за несколько десятков. Однако, поскольку приход объединял уроженцев различных регионов страны, в мусульманских общинах промышленных поселений не сформировалось устойчивых традиций, характерных для села. Поэтому процесс их ликвидации в годы Советской власти на Урале проходил значительно легче, чем в деревнях.

В то же время образование мусульманских общин в промышленных поселениях, многие из которых впоследствии стали городами, обусловило начало трансформации исламского ландшафта Урала и Сибири с сельского на сельско-городской. Появление в промышленных поселках татарского и башкирского населения, которое только увеличивалось в советские годы вследствие добровольных и принудительных миграций, способствовало формированию поликультурного пространства этих населенных пунктов. А сохранение, пусть даже на семейно-бытовом уровне исламской обрядности в годы советского атеизма, позволило достаточно быстро восстановить деятельность мусульманских общин после распада СССР.

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Локальные мусульманские общины горнозаводских поселений Урало-Сибирского региона» при поддержке стипендиальной программы для молодых исламоведов благотворительного фонда «Закят» и ЦРО «Духовное управление мусульман Москвы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Мозель Х. Материалы для географии и статистики России: Пермская губерния. В 2-х т. Т. 2. СПб.: Типография Ф. Персона, 1861. 814 с.
2. Национальный архив Республики Башкортостан (далее НА РБ) Ф. И-295. Оп. 2, д. 8.
3. Павлинова Р. Н., Старостин А. Н., Ярков А. П. Мусульманские общины Азиатской части Российской империи в середине XIX – начале XX в.: по материалам учетных ведомостей ОМДС. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 490 с.
4. Загидуллин И. К. Пятивременные и соборные (джамии) мечети в округе Оренбургского магометанского духовного собрания // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.) Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 25.04.2006 г. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. С. 93–123.
5. Полный свод законов Российской империи. Кн. 3. Т. XII. Ч. I.
6. НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 1466.
7. Старостин А., Бикбов Р. Мечеть г. Кушва // Ислам на Урале: энциклопедический словарь / сост. А. Н. Старостин, отв. ред. Д. З. Хайретдинов. М.-Н. Новгород: ИД «Медина», 2009. С. 192–193.
8. НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 1402.
9. Государственный архив Свердловской области. Ф. 6. Оп. 12. Метрическая книга Кушвинского завода за 1867 г.
10. Загидуллин И. К. Махалля в промышленных поселениях в Европейской части России и Сибири (XIX–начало XX в.) // Татарские мусульманские приходы им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. С. 66–100.
11. НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 4185.
12. Государственный архив Пермского края Ф. 65. Оп. 5. Д. 104.
13. Денисов Д. Н. Мусульманские молитвенные дома в промышленных поселках Южного Урала (конец XIX–начало XX века) // Вестник ЧГУ. 2009. № 37 (175). История. Вып. 36. С. 137–141.
14. Ислам и мусульмане Южного Урала в историко-правовом пространстве России: Сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений центральных и региональных органов власти и управления XX–XXI веках / автор-сост. А. Б. Юнусова, археограф М.Ю. Абсалямов. Уфа: ГУП РБ УПК, 2009. 384 с.
15. НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 4191.
16. НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 1150. Л. 1-2.
17. НА РБ. Ф. 187. Оп. 1. Д. 412. Л. 186.
18. НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 1150. Л. 1.
19. Государственный архив Пермского края (далее ГАПК). Ф. 65. Оп. 5. Д. 104. Л. 29–31; Л. 135–140.
20. НА РБ. Ф. 187. Оп. 1. Д. 412.
21. Денисов Д. Н. Мусульманская община Златоуста в конце XIX–начале XXI веков // Вестник ЧГУ. 2009. № 16 (154). С. 83.
22. Денисов Д. Н. Мусульманская община Миасса в конце XIX–начале XXI веков // Вестник ЧГУ. 2009. № 32 (170). С. 105.
23. Главацкая Е. М., Старостин А. Н. Мусульманская община Екатеринбургa во второй половине XIX – начале XX вв.: численность и институты // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 244–253.
24. Бибарсов И. А., Старостин А. Н. Исламские и татаро-башкирские учебные заведения Перми в конце XIX–первой половине XX века // Minbar. Islamic Studies. 2018. Т. 11. № 1. С. 38–51.
25. Главацкая Е. М., Ошуева Н. С., Старостин А. Н. Мусульманская община Нижнего Тагила в конце XIX – начале XXI в. // Фаизхановские чтения. Материалы восьмой ежегодной всероссийской научно-практической конференции «Фаизхановские чтения» / НКАТНО, ДУМНО, НИИ им. Х. Фаизханова; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2012. С. 94–103.
26. Азаматов Д. Д. Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории Европейской части России и Сибири в конце XIX–начале XX вв. Уфа: Изд. Башкирского ун-та, 2000. 102 с.
27. Старостин А. Н. Панисламизм на Урале или эпизод из истории мусульман Надеждинского завода. URL: <https://islamrf.ru/news/culture/history/22824>
28. Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. 3. Оп. 67. Д. 104; Д. 327.
29. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982.
30. НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 3427. ЛЛ. 5-17.
31. ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 62.
32. ГАТО Ф. 170. Оп. 7. Д. 454.

33. ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 302. Л. 2.
34. НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 1536.
35. НА РБ Ф. И-295. Оп.3. Д.15593.
36. Ф. И-295 Оп.6. Д.3303.

REFERENCES

1. Moselle H. 1861, *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii: Permskaya guberniya* [Materials for geography and statistics of Russia. Perm province], in 2 vol., vol. 2. Saint-Petersburg, 814 p.
2. National Archives of the Republic of Bashkortostan, F. FI-295. Reg. 2, d. 8.
3. Pavlinova R. N., Starostin A. N., Yarkov A. P. 2018, *Musul'manskiye obshchiny Aziatskoy chasti Rossiyskoy imperii v seredine XIX – nachale XX v.* [Muslim communities of the Asian part of the Russian Empire in the middle of the XIX – early XX century], according to the materials of inventory logs of Orenburg Muslim Spiritual Assembly. Kazan, 490 p.
4. Zagidullin I. K. 2006, *Pyativremyannyye i sobornyye (dzhami) mecheti v okruge Orenburgskogo magometanskogo dukhovnogo sobraniya. Mecheti v dukhovnoy kul'ture tatarskogo naroda (XVIII v. – 1917 g.)* [Five-time and cathedral (jami) mosques in the district of the Orenburg Muslim Spiritual Assembly. Mosques in the spiritual culture of the Tatar people (XVIII century – 1917)]. Proceedings of the All-Russian research/practice conference. Kazan, pp. 93–123.
5. Corpus juris of the Russian Empire. B. 3, vol. XII, part I.
6. National Archives of the Republic of Bashkortostan. F. FI-295. Register 6. D. 1466.
7. Starostin A., Bikbov R. 2009, *Mechet' g. Kushva. Islam na Urale* [Mosque of Kushva. Islam in the Urals]: encyclopedic dictionary. A. N. Starostin, ed. by D. Z. Khairetdinov. Nizny Novgorod, p. 192–193.
8. National Archives of the Republic of Bashkortostan. F. FI-295. Reg. 3. D. 1466.
9. State Archive of the Sverdlovsk region. F. 6. Reg. 12. Register of the Kushvinsky plant for 1867.
10. Zagidullin I. K. 2006, *Makhallya v promyshlennyykh poseleniyakh v Yevropeyskoy chasti Rossii i Sibiri (XIX – nachalo XX v.). Tatarskiye musul'manskiye prikhody v Rossiyskoy imperii* [Mahalla in industrial settlements in the European part of Russia and Siberia (XIX – early XX century)]. Tatar Muslim parishes in the Russian Empire. Proceedings of the All-Russian research/practice conference. Kazan, pp. 66–100.
11. National Archives of the Republic of Bashkortostan. F. FI-295. Register 6. D. 4185.
12. State archive of the Perm Krai F. 65. Reg. 5. D. 104.
13. Denisov D.N. Muslim prayer houses in industrial settlements of the Southern Urals (late XIX – early XX centuries). *Vestnik CHGU* [Bulletin of the Cherepovets State University]. History, issue 36, pp. 137–141. (*In Russ.*)
14. 2009, *Islam i musul'mane Yuzhnogo Urala v istoriko-pravovom prostranstve Rossii* [Islam and Muslims of the Southern Urals in the historical and legal framework of Russia], collection of legislative acts, decrees, and orders of central and regional authorities and management of the XX–XXI centuries, A. B. Yunusova, M. Yu. Absalyamov, archaeographer. Ufa, 384 p.
15. National Archives of the Republic of Bashkortostan. F. FI-295. Reg. 6. D. 4191.
16. National Archives of the Republic of Bashkortostan. F. FI-295. Register 6. D. 1150. Sheet 1-2.
17. National Archives of the Republic of Bashkortostan. F. 187. Reg. 1. D. 412. Sheet 186.
18. National Archives of the Republic of Bashkortostan. F. FI-295. Register 6. D. 1150. Sheet 1.
19. The State archive of the Perm Krai (SAPK). F. 65. Reg. 5 d. 104. Sh. 29-31; Sh. 135-140.
20. National Archives of the Republic of Bashkortostan. F. 187. Reg. 1. D. 412.
21. Denisov D. N. 2009, Muslim community of Zlatoust in the late XIX – early XXI centuries. *Vestnik CHGU* [Bulletin of the Cherepovets State University], no. 16 (154), pp. 83. (*In Russ.*)
22. Denisov D. N. 2009, Muslim community of Miass in the late XIX – early XXI centuries. *Vestnik CHGU* [Bulletin of the Cherepovets State University], no. 32 (170), pp. 105. (*In Russ.*)
23. Glavatskaya E. M., Starostin A. N. 2016, The Muslim community of Ekaterinburg in the second half of the XIX and early XX centuries: numerical strength and institutions. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], Series 2. Humanities, vol. 18, no. 4 (157), pp. 244–253. (*In Russ.*)
24. Bibarsov I. A., Starostin A. N. 2018, Islamic and Tatar-Bashkir institutions of learning of Perm in the late XIX – first half of the XX century. *Minbar. Islamic Studies*, vol. 11, no. 1, pp. 38–51.
25. Glavatskaya E. M., Oshueva N. S., Starostin A. N. 2012, *Musul'manskaya obshchina Nizhnego Tagila v kontse XIX – nachale XXI v.* [Muslim community of Nizhny Tagil in the late XIX – early XXI century], Faizkhanov readings. Proceedings of the eighth annual All-Russian research/practice conference called Faizkhanov readings. Ed. by Mukhetdinov D. V. Nizhny Novgorod, pp. 94–103.
26. Azamatov D. D. 2000, *Iz istorii musul'manskoy blagotvoritel'nosti. Vakufy na territorii Yevropeyskoy chasti Rossii i Sibiri v kontse XIX–nachale XX vv.* [From the history of Muslim charity. Waqfs in the European part of Russia and Siberia in the late XIX – early XX centuries], 102 p.
27. Starostin A. N. Pan-Islamism in the Urals or an episode from the history of Muslims Nadezhdinsky plant. URL: <https://islamrf.ru/news/culture/history/22824>
28. State archive of the Tomsk region (SATR). F. 3. Register 67. D. 104; D. 327.
29. The working class of Siberia in the pre-October period. Novosibirsk, 1982.
30. National Archives of the Republic of Bashkortostan. F. FI-295. Register 6. D. 3427. Sheet 5-17.
31. SATR. F. 3. Register 77. D. 62.
32. SATR F. 170. Register 7. D. 454.
33. SATR. F. 3. Register 77. D. 302. Sheet 2.
34. National Archives of the Republic of Bashkortostan. F. FI-295. Register 6. D. 1536.
35. National Archives of the Republic of Bashkortostan. FI-295. Reg. 3 D. 15593.
36. F. I-295 Reg. 6. D. 3303.

Статья поступила в редакцию 11 мая 2019 г.